

## Глава 1. Зеркальный цветок и луна в воде — пробуждение от пустых грёз

Когда с небес хлынул снег, Сун Цяньцзи спасался бегством.

Он мчался на мече, пересекая бескрайнюю пустыню и горные хребты. Свой путь он начал от океана на востоке и теперь бежал к Снежной равнине на западе.

Враги, словно грозные волны, устремились к снежной равнине со всех сторон, готовые поглотить одинокий остров.

Небо заполнили бесчисленные летающие артефакты, а сияние магического оружия сплеталось в ослепительные световые завесы.

Белоснежный снегопад окрасился в причудливые цвета.

Эта осада продолжалась три дня, и за это время мир утратил свои истинные краски, а небо скрыло солнце и луну. Зрелище было воистину поразительное.

Кровь Сун Цяньцзи почти иссякла. Он уже не чувствовал боли — только холод.

Его личный летающий меч, качнувшись, наконец не выдержал нагрузки и, словно птица с подбитым крылом, рухнул на землю, взметая облако снежной пыли.

Сун Цяньцзи поднялся. Куда бы он ни посмотрел — повсюду были враги. Кольцо окружения стремительно сжималось.

Казалось, весь мир завертелся вокруг него, вызывая головокружение и затуманивая взор.

Он стёр кровь с губ и с насмешкой посмотрел на небо.

«И надо же было собраться такой толпе. Это вам не храмовая ярмарка, к чему такая необходимость?»

Тот же вопрос задавали и те, кто пришёл его убить.

— Четыре Великие Бессмертные Школы объединились, раскинув сети, что покрыли небо и землю. Три дня и три ночи охоты на одного человека. Не слишком ли это?

С самого высокого облачного корабля донёсся ответ инициатора этой погони:

— Ничуть. Ведь это Непобедимый в ста битвах Сун Цяньцзи. Дайте ему хоть малейший шанс, и он вернётся, чтобы нанести ответный удар.

Лишь после изнурительной погони, доведшей их до полного изнеможения и сомнений в смысле бытия, заклинатели осознали правоту этих слов.

— Сун Цяньцзи — великий мастер своего дела, но как он может быть настолько искусен в искусстве побега?! За три дня мы семь раз пытались сомкнуть построение, и каждый раз он прорывался.

— Ха, ты думаешь, он родился в роскоши? Он вышел из грязи, был обычным вольным заклинателем. Если бы он не умел спасать свою шкуру, давно бы уже отправился на перерождение!

Сун Цяньцзи опёрся на меч, выпрямляя спину. Интуиция подсказывала — это конец.

Пути на небеса не было, как и врат в преисподнюю.

Полный тупик.

Ветер крепчал, снег валил стеной. Небо походило на клетку. Лиц людей было не разглядеть, но выражение на них было у всех одинаковое:

Праведный гнев и всеобщая ненависть.

Гордость от участия в великом деле и волнение от предстоящего зрелища — падения могущественного заклинателя.

Сун Цяньцзи обвёл взглядом знакомые и незнакомые лица, и его собственное выражение постепенно стало спокойным.

— Где Мяо Янь? — спросил он. — Я один отвечаю за свои поступки. Вам не нужно её трогать.

Никто не ответил.

Даже поверженный, такой человек, как Сун Цяньцзи, мог в предсмертной агонии применить какой-нибудь сокрушительный приём.

Опасаясь этого, заклинатели остановились в двадцати с лишним чжанах, не решаясь подойти ближе. Сквозь снежную завесу они выкрикивали то увещевания, то проклятия.

— Отдай Сосуд Очищения! Отдай Источник Бессмертия!

— Древо, что подпирает Небеса, умирает! Мир на грани гибели, не упорствуй в своих заблуждениях!

Внезапно в этом хаосе раздались звуки пипы — то громкие, то тихие, словно плач и жалоба. Они пронзали вой ветра и снега, заглушая голоса людей, будто небесная музыка спустилась в мир смертных.

Мелодия была глубокой, в ней таился истинный смысл Дао. Поражённые заклинатели умолкли.

Когда голоса стихли, шум ветра и снега тоже ослаб. Лишь музыка пипы становилась всё страстнее, всё трагичнее, пока не заполнила собой всё пространство между небом и землёй.

— Песнь перед армией в десять тысяч воинов, — пробормотал Сун Цяньци, на мгновение застыв. — Хороша «Гегемон-царь снимает доспехи», душу разрывает.

Его расфокусированный взгляд внезапно обрёл чёткость. Пронзая толпу, он устремился к источнику звука.

— Мяо Янь, раз уж ты пришла, почему не покажешься?! — низко прорычал он.

Даже на краю гибели в его голосе звучала былая мощь, способная сокрушить любого врага и пошатнуть небеса.

Звуки пипы оборвались, словно от удара грома.

Заклинатели очнулись, будто ото сна.

— Так это же фея Мяо Янь!

— Фея поступила благородно, она хочет лично покончить с этим демоном!

Толпа зашевелилась и расступилась, открывая взору роскошную колесницу.

Женщина тонкими, как лепестки орхидеи, пальцами приподняла занавеску.

Мяо Янь с пипой в руках сошла с колесницы. Её походка была легка, как движение лотоса. Белое платье и шёлковые ленты на руках развевались на ветру, словно туманная дымка.

Многие позабыли, что находятся на поле боя, и лишь заворожённо смотрели на неё.

— Ты тоже пришла убить меня? — холодно спросил Сун Цяньци.

Миндалевидные глаза Мяо Янь моргнули, и по щекам беззвучно покатались слёзы.

Первая красавица мира заклинателей. Она всегда была так прекрасна, каждое её движение, каждая улыбка казались выверенными до идеала, без единого изъяна.

Эта слеза не стала исключением. Она намочила длинные, изогнутые ресницы, скользнула по фарфоровой щеке и ударила прямо в сердце Сун Цяньци.

Он не смог повторить свой вопрос. Раны, до этого онемевшие, вдруг пронзила невыносимая боль.

— Цяньци, прости, — нежным, слегка дрожащим голосом произнесла Мяо Янь.

За её спиной расстилалось марево света от магического оружия заклинателей, похожее то ли на пожар, то ли на закатное небо.

Охваченный мучительной болью, Сун Цяньци погрузился в полузабытьё. Он вдруг вспомнил, что в день их первой встречи небо тоже пылало закатом.

Он родился в обычном городке, смертным, и его детство, хоть и было бедным, прошло счастливо.

Всё изменилось, когда прибыли заклинатели из Школы Хуавэй, чтобы проверить детей на наличие духовных корней и набрать учеников. Он, ещё ничего не понимая, покинул родные края и вместе с тысячами других детей и подростков, теснившихся на облачном корабле, отправился навстречу неизвестной судьбе.

Когда спустились сумерки, по небу пронёсся красный луч света, промелькнув над кораблём и озарив их лица багрянцем.

Кто-то из детей испуганно закричал, что небо загорелось. Но сопровождавшие их старшие братья лишь рассмеялись.

— Это след от колесницы из чёрного золота феи Мяо Янь. Говорят, она — первая красавица в мире заклинателей... Вы ещё слишком малы, чтобы понять, но если однажды увидите её воочию, жизнь будет прожита не зря.

Колесница из чёрного золота пронзила облака, оставив за собой дугу алого света, и исчезла на краю неба, там, где закат был гуще всего.

Все на палубе облачного корабля, и Сун Цяньци в том числе, с восторгом смотрели ей вслед.

Для него, только ступившего на путь бессмертия, это был миг, когда завеса нового мира приоткрылась, явив взору величественный и красочный силуэт.

Парить на облаках, преодолевать тысячи ли за день, ступать по горам и рекам — какой смертный не потеряет голову и не преисполнится великих стремлений?

Оказалось, в мире есть что-то выше и прекраснее облачного корабля. Первая красавица.

Он решил, что больше не хочет прожить жизнь в невежестве, подчиняясь круговороту рождения, старения, болезней и смерти.

Если становится человеком — то бессмертным заклинателем, если брать жену — то фею Мяо Янь!

Миллионы мечтали о том же. Но в отличие от других юных мечтателей, Сун Цяньци действительно этого добился.

Он обладал бесполезным ложным духовным корнем и не смог попасть во внутреннюю школу. Не желая возвращаться, он несколько лет провёл во внешней, выполняя чёрную работу. Позже, в борьбе за место во внутренней школе, он попал в ловушку и был приговорён к смерти. Ему пришлось бежать, и так он стал вольным заклинателем.

У вольных заклинателей нет поддержки, каждый может пнуть их. Встретив врага, приходится полагаться лишь на своё мастерство и жестокость.

Шесть раз он штурмовал гору Погибели, семь раз оставлял за собой кровавый след в долине Кровавой реки, восемь раз исследовал тайны Мёртвого моря. Пройдя через девять смертей, он обрёл своё нынешнее могущество.

Колесо судьбы повернулось. Прошло сто лет. Непобедимый в ста битвах Сун Цяньци достиг уровня Превращения в божество.

Школа Хуавэй, когда-то отдававшая приказ о его поимке, пришла в упадок и теперь молила о прощении.

Фея Мяо Янь, прежде не достаивавшая его и взглядом, назначила с ним дату свадьбы и стала нежной и заботливой.

Главы великих школ и старейшины, в душе презиравшие его за простое происхождение, теперь выказывали ему почтение и страх, наперебой приглашая стать их почётным гостем.

Положение, сила, богатство, красавица — всё, чего судьба ему не дала, он отнял сам.

Жизнь Сун Цяньцзи достигла своего пика, но судьба мира заклинателей, да и всего человечества, пошла вразнос.

Гряла великая катастрофа.

Последний год духовная энергия в мире иссякала, землетрясения и цунами стали частым явлением, вселяя в сердца заклинателей глубокий страх.

На краю континента Огромное Древо, что подпирает Небеса, начало увядать. Если его корни иссохнут, а крона умрёт, континент расколется, и небесный свод рухнет.

Сун Цяньцзи с таким трудом взобрался на вершину, и не успел он насладиться этим, как мир решил рухнуть?

Он был с этим не согласен. Он решил спасти мир.

Те, кто был сильнее его, находились в уединении. Те, кто слабее — не обладали достаточной силой.

Поэтому он призвал все школы и всех заклинателей отбросить старые обиды и вместе преодолеть грядущее бедствие.

Он перерыл древние тексты, вновь посетил древние тайные миры в поисках способа спасения. И его усилия не пропали даром: в одиночку исследуя глубины Мёртвого моря, он нашёл могущественный Источник Бессмертия и поместил его в созданный им Сосуд Очищения.

Это была последняя надежда на спасение Древа, что подпирает Небеса, и последний шанс для человечества.

Когда ситуация была на грани отчаяния, все видели в Сун Цяньцзи спасителя и следовали за ним.

Но как только появился проблеск надежды, различные силы вновь начали преследовать свои интересы, опасаться его и сомневаться в его мотивах.

Неизвестно откуда поползли слухи, что Сун Цяньцзи собирается использовать Источник

Бессмертия из Сосуда Очищения, чтобы создать свой собственный малый мир, где он станет творцом и властелином, бросив этот мир на произвол судьбы.

«Сун Цяньцзи — вольный заклинатель, он привык действовать в одиночку и без оглядки на других. С чего бы ему добровольно жертвовать своими силами ради поиска Источника Бессмертия, не ожидая ничего взамен, а лишь ради спасения мира?»

«Верно, он добился всего беспринципными методами. Я давно чувствовал, что у него недобрые намерения. Нас всех использовали, мы лишь пешки в его игре».

Сердца людей наполнились тревогой, сомнения сменились гневом.

Злоумышленники подлили масла в огонь, и в итоге всё вылилось в эту беспрецедентную осаду. Весь мир заклинателей сплотился под единым лозунгом:

— Убить Сун Цяньцзи, отнять Источник Бессмертия, спасти мир и себя!

Сун Цяньцзи, с его обострённой интуицией, почувствовал неладное ещё до того, как ситуация стала необратимой.

Он был ранен после похода в Мёртвое море, и лучшим выходом было бы отдать Сосуд Очищения. Это очистило бы его имя, показало бы отсутствие корыстных мотивов и позволило бы ему уйти в уединение для восстановления сил.

Но он никому не доверял спасительный артефакт. Он доверял только себе.

И потому он мчался на мече, прорываясь сквозь окружение, чтобы добраться до Древа на краю континента и лично завершить начатое.

Увы, его замысел провалился. Его остановили на снежной равнине, дав дослушать лишь половину «Гегемон-царь снимает доспехи».

Мяо Янь, видя, что Сун Цяньцзи молчит, глубоко вздохнула и громко, чтобы все слышали, произнесла:

— Отдай мне Сосуд Очищения, и я клянусь своим сердцем Дао, что сохраню тебе жизнь! Если кто-то сегодня посмеет тебя тронуть, он станет моим врагом.

— Кто научил тебя этим словам? — Сун Цяньцзи посмотрел на небо, где по-прежнему высокомерно парили летающие артефакты, и рассмеялся. — С каких это пор моя жизнь нуждается в чьей-то защите?

Горячая кровь из ран уже застыла. Вся горечь и обида рассеялись вместе со снегом. Ему было лишь смешно.

Настоящий фарс.

Сун Цяньци запрокинул голову и разразился смехом. Звук его смеха эхом прокатился по округе, и с далёких горных утёсов посыпался снег.

— Я всю жизнь плёл интриги и строил хитроумные планы. Я не доверял людям, а люди не доверяли мне. То, до чего я дошёл сегодня — моя собственная вина, и я никого не виню... Но в деле спасения мира моя совесть чиста. И пусть Небо и Земля будут тому свидетелями, я не боюсь ни духов, ни богов!

Смеясь, он кашлял кровью, которая пропитывала его одежду, создавая ужасающее зрелище.

Он от природы был красив, и сейчас, с бледным лицом, окровавленными губами, с развевающимися на ветру чёрными волосами в тёмных одеждах, его красота стала холодной, суровой и потрясающей до глубины души.

Заклинатели невольно отступили на несколько шагов. В их сердцах зародилось непонятное смятение, они не хотели или не смели смотреть ему в глаза.

Слёзы хлынули из глаз Мяо Янь, она хотела что-то сказать, но не могла.

Сун Цяньци перестал смеяться, и его лицо стало умиротворённым.

— Я думал, что сила позволит мне стоять на вершине, а Источник Бессмертия — спасти Древо. Я ошибался. Способ пережить катастрофу — не в божественном оружии и не в силе совершенствования. Сегодня я проиграл лишь потому, что не понял людских сердец.

— После моей смерти в мире воцарится хаос. Своё наследие и учение я спрятал во время своих скитаний. Ищите их. Смутные времена рождают героев. И пусть найдётся тот, кто спасёт мир от падения. Тот, за кем пойдёт народ, и кто без колебаний примет свою судьбу!

Лицо Мяо Янь внезапно изменилось. Забыв о манерах, она пронзительно закричала:

— Нет!

Не успели её слова затихнуть, как раздался оглушительный взрыв, и ослепительный свет озарил половину неба.

Сун Цяньцзи уничтожил себя самоподрывом.

Вся его жизненная сила, накопленная за годы совершенствования, обратилась в благодатный снег, что опустился на землю, одаривая всё живое.

Погоня длилась три дня и три ночи, и снег падал три дня и три ночи. Когда небо прояснилось, казалось, в воздухе всё ещё звучали его последние слова:

«Тот, за кем пойдёт народ, и кто без колебаний примет свою судьбу».

\*\*\*

Сун Цяньцзи думал, что со смертью всё закончится. Но после мучительной боли он почувствовал, что его сознание всё ещё существует.

Непроглядная тьма, пустота, отсутствие границ и времени. Это загробный мир, или он всё-таки не умер?

В его сознании раздался холодный голос, пронзивший мозг, словно электрический разряд:

«Сун Цяньцзи, герой-одиночка, прожил бурную жизнь и не обрёл достойного конца. Во время своих скитаний он спрятал огромное наследие в бескрайних снегах, которое стало первой ступенью на пути к бессмертию для Вэй Чжэньюя. Путь героя-спасителя Вэй Чжэньюя, отныне...»

— Пойдите-ка, — прервал его Сун Цяньцзи.

Холодный голос замер.

«Ты... можешь меня слышать?» — голос замер.

— А... не должен?

Голос ответил с запинкой:

«Кажется, не совсем. Впервые кто-то со мной разговаривает».

Сун Цяньцзи повидал немало, поэтому сумел сохранить самообладание.

— Так ты — Небесное Дао?

«Нет, я — Рассказчик. Этот мир, по сути, — история, а я — её рассказчик. Понимаешь?»

Сун Цяньцзи молчал.

Мёртвый персонаж-инструмент и невидимый Рассказчик. Они молчали друг напротив друга.

«Этот „Рассказчик“, — подумал Сун Цяньцзи, — не человек и не предмет, а некое духовное существо. Говорит он с позиции стороннего наблюдателя, что похоже на моё нынешнее положение. Как бы его проверить... Стоп, я же уже мёртв, терять мне больше нечего, чего бояться-то».

— Так что, чёрт возьми, происходит?! — бесцеремонно спросил он. — Даже если это история, что со мной будет после смерти?

Рассказчик, похоже, испугался и пробормотал:

«Лучше сам посмотри».

Зажглись бесчисленные огоньки, которые при ближайшем рассмотрении оказались знакомыми и незнакомыми картинками. Они слились в сияющую реку, что хлынула перед ним.

Сун Цяньцзи увидел бесчисленные фрагменты будущего.

При его жизни люди ему не верили. Когда же он действительно всё бросил и умер, они вдруг вспомнили о его заслугах и, под предлогом мести за него, начали нападать друг на друга.

Простые заклинатели и смертные страдали, принимая его последние слова за пророчество и ожидая появления «спасителя».

Когда грянула беда, заклинатель по имени Вэй Чжэньюй нашёл наследие Сун Цяньцзи, изменил ход событий, спас Древо, что подпирает Небеса, положил конец всемирной катастрофе, а затем взошёл на вершину власти, женился на Мяо Янь, наслаждался поклонением народа и вознёсся среди бела дня.

Сун Цяньцзи стоял перед рекой времени, и его потрясение сменилось негодованием, а затем — полным безмолвием.

Первой его мыслью было: как так вышло, что и через десять лет после его смерти первой красавицей всё ещё остаётся Мяо Янь?

Эстетические вкусы мира заклинателей совсем не развиваются.

Второй мыслью было: откуда вообще взялся этот Вэй Чжэньюй?

Пока Сун Цяньцзи был жив, этот человек был никому не известен. После его смерти он внезапно прославился, обретя несметную удачу. Куда бы он ни пошёл, на него сыпались сокровища. Даже если он их не хотел, небеса всё равно их ему подбрасывали. Какой же он «спаситель»? Скорее, «король халявы».

Сун Цяньцзи не сдержался и выругался.

«Будь повежливее, — посоветовал Рассказчик. — В мире может быть только один главный герой. Остальные — лишь массовка, создающая для него жизненный опыт. Ты был хорошим инструментом»

— Я всю жизнь карабкался вверх только для того, чтобы стать инструментом?

«Многие хотели бы стать инструментом, да им не светит!»

Сун Цяньцзи подавил гнев.

— Ладно, не хочу больше смотреть. Всё кончено. Отправляй меня скорее на перерождение.

«Прости, — тихо ответил Рассказчик, — в этой истории нет такой опции, как „отправить на перерождение“. Я не могу этого сделать. Раз уж ты сам уйти не можешь, давай как-нибудь скоротаем вечность вместе».

Сун Цяньцзи гневно взмахнул рукавом:

— Кто захочет с тобой вечность коротать!

\*\*\*

Вскоре Сун Цяньцзи изменил своё мнение.

Он развалился на мягкой кушетке, покрытой мехом, щёлкал семечки, ел пирожные и командовал Рассказчиком:

— Ещё фруктов. Виноград, личи, вишню. И чтобы всё ледяное.

То, чего не было в «настройках», Рассказчик сделать не мог. Но еда, одежда и прочие удобства в «настройках» были, и он с лёгкостью их создавал.

Кроме того, можно было смотреть бесчисленные истории из реки времени и болтать с Рассказчиком. Больше не нужно было сражаться, бороться за славу и выгоду, ломая голову над интригами.

Стоило ему принять эту реальность, как жизнь стала настолько хороша, что он не променял бы её и на вознесение в боги.

Он так много всего пересмотрел, что даже глядя на своё прошлое, воспринимал его как чужую историю. Он не только не сочувствовал себе, но и безжалостно насмехался.

Увидев тринадцатилетнего «Сун Цяньцзи», который не захотел платить дань за «защиту» во внешней школе и был избит до полусмерти.

«Больной что ли? Кто тебя просил быковать, у тебя что, голов несколько?»

Увидев четырнадцатилетнего «Сун Цяньцзи», которого обманули, лишив всего имущества, потому что он не разбирался в ценностях.

«Идиот. Думаешь, такая удача свалилась бы на тебя? Просто потому, что ты белее других?»

Увидев пятнадцатилетнего «Сун Цяньцзи», уже утратившего свою глупую наивность. Он пригласил товарища на край утёса полюбоваться луной, внешне улыбаясь и болтая, а в душе ведя отчаянную борьбу.

Тёмная ночь, сильный ветер, бездонная пропасть. Он, сцепив зубы, протянул руку к спине товарища, не в силах сдержать дрожь.

Сун Цяньцзи, щёлкающий семечки, яростно заорал:

«Самоуверенный дурак! Место во внутренней школе уже занято! Даже если ты уберёшь его, оно тебе не достанется! Столкнёшь его — и у тебя начнутся бесконечные проблемы, придётся идти по тёмной дорожке до конца, без возможности повернуть назад!»

Он говорил так эмоционально, что неосознанно протянул руку, пытаясь остановить себя в прошлом.

Кончики его пальцев коснулись картины. Вся река времени яростно задрожала, бесчисленные обрывки образов закружились, превращаясь в огромный вихрь, что обрушился на него сверху.

Сун Цяньцзи почувствовал, что задыхается, мир завертелся.

Когда он снова открыл глаза, мягкая кушетка, фрукты и Рассказчик исчезли. Давно забытый ночной ветер трепал его волосы. Он слышал шум лесного моря, чувствовал запах травы и земли.

— А-а-а!! — его товарищ стремительно падал в пропасть, отчаянно крича.

А он стоял на краю утёса, всё ещё в той же позе — с протянутой для толчка рукой и сложным, противоречивым выражением на лице.

Это был первый камень в основании его долгого пути к бессмертию.

Бесчисленные звёзды холодно взирали на него с небес, бездонная пропасть смотрела на него снизу, наблюдая, как он ступает на дорогу, вымощенную кровью и огнём, с которой нет возврата.

Сун Цяньцзи внезапно пришёл в себя. В ужасе оглядевшись, он выругался, глядя в небо:

— Дьявол!

И прыгнул в пропасть.

<http://bllate.org/book/16982/1580455>